

Белла МУСАЕВА

Доктор филологических наук,
профессор Бакинского славянского
университета, заслуженный учитель
Азербайджана, член Союза писателей
Азербайджана

творческой деятельности индивида. По сути, это исходный базовый образец для дальнейших вариативных построений на его основе", - пишет литературовед А.Большакова.

Таким образом, литературный архетип представляет собой модель, обладающую неизменно ядром и в то же время вариативно повторяющийся в творчестве писателей, относящихся к различным национальным культурам и дистанцированных друг от друга значительным временным отрезком. Обращение к одним и тем же архетипическим сюжетам порой ведет и к сходству художественно-выразительных средств, посредством которых воплощается главная мысль, основная идея произведения. Так, к интересным выводам подводит сопоставительный анализ двух поэтических произведений, шедевров мировой литературы,

страдание как бы теряет свой изначальный эмоциональный смысл. Последующие две строки усиливают ощущение счастья, радости: "Тебя ночами вспоминаю и говорю: "Великий боже!! Отраднa и разлука с нею. Каким же будет день свиданья!" Таким образом, начатое в минорном тоне рубаи завершается жизнеутверждающим мажором - ведь воспоминания о Ней, Единственной окрашивают в радостные тона даже одинокие тоскливые, бессонные ночи. Хотелось бы отметить, что мотив ночи, когда, оставшись наедине с самим собой, лирический герой особенно остро ощущает тоску по любимой, весьма распространен в восточной поэзии. К примеру, азербайджанский поэт XII века Хагани пишет:

*Я - лилия, ты - солнце, и скорбя
В слезах давно я утопил себя.*

Главное, что элегия отражает, как и у Рудаки, состояние души влюбленного человека. Сходство темы и пафоса элегии А.С.Пушкина с рубаи Рудаки сопровождается и сходством художественных приемов. Элегия, как и рубаи, построена на приеме антитезы, противопоставления, помогающем отразить эмоциональное состояние души лирического героя. Мне грустно и легко. Печаль моя светла. Казалось бы, здесь соединены понятия взаимоисключающие. Ведь грусть и печаль обычно ассоциируются с тяжестью на душе, мраком вокруг. Но это лишь с точки зрения логики обыкновенного человека - обыкновенного, а не влюбленного. И уже следующая строка проливает свет на эту "нелогичность": "Печаль моя полна тобою". Как и у Рудаки, мы здесь наблюдаем смену настроения лирического героя. Тихая грусть сме-

ПОВТОРЯЕМОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СВОЙСТВ

Наличие всеобщих изначальных пластов в человеческом сознании приводит к появлению множества общих, универсальных свойств у многочисленных народов, населяющих планету Земля. В какое бы время ни жил человек, какую бы веру он ни исповедовал, к какому бы сословию ни относился и какой бы национальности ни был, он всегда одинаково испытывает такие вечные чувства, как любовь, ненависть, страдание и сострадание, может отличить Добро от Зла и т.д. Проявляясь во всех сферах жизни, универсальность находит свое выражение в литературе и искусстве, являющихся разным отражением реальной действительности, через повторяемость определенных сюжетов, мотивов, образов. Как справедливо отмечает Д.Поль: "Повторяемость проявляет себя через большое и-малое, через искусство вообще и художественное произведение в частности". Яркой иллюстрацией к сказанному может стать повторяемость сюжетов и мотивов, связанных с трагической любовью, в фольклоре и литературе разных народов: Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Асли и Керем... Древняя арабская легенда о страданиях Лейли и Меджнунa, нашедшая свое художественное воплощение впервые в творчестве великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви, вызвала к жизни многочисленные назире (творческое подражание) у А.Навои, Э.Х.Дехлеви, М.Физули и др. При этом сюжет, не видоизменяясь в целом, обогащался отдельными деталями, отражая особенности мировоззрения авторов, национальные и социальные черты эпохи. Наглядным свидетельством повторяемости в художественной литературе является и существование образов скупцов в мировой литературе: Гарпоген, Скупой рыцарь, Плюшкин, Гаджи Кара и др.

Универсальность и повторяемость легли в основу понятия "литературный архетип", глубоко и всесторонне разработанного в трудах К.Г.Юнга, К.Левин-Стросса, Е.Мелетинского, А.Большаковой и др. "Архетип - первообраз, изначальная модель мировосприятия, укорененная в коллективном бессознательном человечестве, нации, рода и актуализирующаяся в индивидуальной

авторов которых отличает не только принадлежность к разным национальным культурам, но и отдаленность десяти (!) веками друг от друга. Это рубаи великого таджикского поэта Рудаки "Моя душа больна разлукой..." и элегия великого русского поэта А.С.Пушкина "На холмах Грузии..."

Обращенные к архетипу "Любовь", оба стихотворения отражают одну из сторон этого великого чувства - ощущения счастья любви даже в разлуке с любимой. По сути - это гимны Любви, наполняющей смыслом жизнь и озаряющей душу Божественным светом.

В своем рубаи "соловей Хорасана", как называли основоположника персоязычной поэзии Рудаки современники, с неповторимой эмоциональной выразительностью, путем точного, можно сказать, ювелирного подбора слов как одного эмоционального ряда, так и контрастных, передает целую гамму чувств, создает неожиданный поворот образов и настроения. Первая строка рубаи "Моя душа больна разлукой, тоской напрасной ожидания" написана в минорном тоне. Понятия болезнн, разлука, тоска, напрасное ожидание, сконцентрированные в одной поэтической строке, передают глубокую печаль и страдание человека, находящегося вдали от возлюбленной. Но вот уже во второй строке "Но от возлюбленной, как радость, она принимает и страдания" появляется слово радость, пронизывающее, словно луч солнца, мрачное содержание первой строки, подчеркивая настроение грусти и печали, и в этом контексте даже слово

*Я ночью умираю от печали,
А утром просыпаюсь - для тебя!*

Радость от ощущения чувства любви даже в разлуке с любимой передана и в истинном шедевре любовной лирики А.С.Пушкина - элегии "На холмах Грузии...", написанной в 1829 году, когда поэт во второй раз оказался на Кавказе. До сих пор не найден ответ на вопрос, кому было посвящено это стихотворение - Наталье Гончаровой, в которую поэт был безумно влюблен и мечтал прожить с ней всю жизнь, или Марии Раевской, прудившей в пылком сердце поэта нежные чувства. Но это не столь важно.

яется в последних строках взрывом страсти, энергии, эмоциональности: "И сердце вновь горит и любит оттого./Что не любить оно не может".

Интересным с точки зрения рассматриваемой темы представляется и сопоставление двух прозаических произведений - "Кавказские дни" Банин и "Белый пароход" Ч.Айтматова. Если имя выдающегося писателя современности, народного писателя Кыргызстана Чингиза Айтматова не нуждается в представлении, то Банин, франкоязычная азербайджанская писательница, к сожалению, пока не знакома широкой читательской публике. Внучка известных бакинских миллионеров, дочь нефтепромышленника, министра коммерции Азербайджанской Демократической Республики, просуществовавшей всего два года (1918-1920), Умм-Эль-Бану Асадуллаева (Банин) с установлением советской власти в Азербайджане вынуждена была эмигрировать в Париж. Прекрасное знание нескольких иностранных языков, в том числе русского и французского, блестящее образование, полученное в семье, позволило ей перенести все тяготы эмиграции. Трудности, лишения компенсировались знакомством и дружбой с такими выдающимися личностями, как Э.Юнгер, А.Моруа, Н.Казанзакис, а также с великим русским писателем А.Бунинным, последней любовью которого она стала. В Париже началась литературная деятельность Банин, и в скором времени она становится единственной признанной во Франции азербайджанской

писательницей. Ее перу принадлежат такие произведения, как "Нами" (1944), "Кавказские дни" (1945), "Парижские дни" (1947), "Встреча с Эрнстом Юнгером" (1951), "Я избрала опиум" (1959), "После" (1961), "Иностранная Франция" (1968), "Зов последней надежды" (1971), "Портрет Эрнста Юнгера" (1971), "Юнгер в разнообразных лицах" (1989), "Что мне рассказала Мария" (1991).

В названных выше произведениях представительниц разных национальных литератур - киргиза Айтматова и азербайджанки Банин - удивительно сходно и точно передано психологическое состояние ребенка, оказавшегося в условиях непонимания и внутреннего одиночества и находящего утешение в общении с природой, как бы "одушевляя" ее. Здесь получает своеобразное преломление архетипический сюжет родства с природой, восходящий к древним мифам и не раз отразившийся в художественной литературе (например, разговор с силами природы царицы Елисей в "Сказке о спящей царице" А.С.Пушкина). К тому же в обоих произведениях оживление, очеловечение (антропоморфизм) природы переданы настолько органично, что человек воспринимается как неотторжимая ее часть ее.

"Кавказские дни" - автобиографический роман, написанный на французском языке и переведенный на азербайджанский и русский языки только после приобретения Азербайджаном независимости. В этом произведении Банин с поразительной точностью воспроизводит реалии и колорит эпохи. Под ее пером оживают картины детства с воспоминаниями об обычаях, традициях, нравах, праздниках азербайджанцев. В мельчайших подробностях она описывает обстановку в доме: бабушку с отцовской стороны - властную, суровую женщину, фанатично придерживающуюся религиозных канонов и с нескрываемой неприязнью относящейся ко всем иноверцам, гувернантку-немку фройлен Анну, к которой испытывала чувство нежной благодарности и детского обожания, хитрую и коварную кузину Гюльнар, тетюшек и дядю, сжигаемых ненавистью друг к другу и готовых прервать все родственные связи из-за наследства деда и многое другое. Герою же повести Ч.Айтматова "Белый пароход", которая принесла автору всемирную славу, стал Мальчик, глазами которого раскрываются трагические события, происходящие на лесном кордоне.

Итак, в центре повестей Ч.Айтматова и Банин - дети примерно одного возраста - 7-8 лет. Мальчик из "Белого парохода" и маленькая героиня "Кавказских дней" росли в условиях, резко отличающихся друг от друга. Если Мальчик, брошенный родителями на попечение старого деда, беззащитной тетки и злого, жестокого Орозкула, жил в глухом заповеднике, лишенный друзей, сверстников, и единственной радостью его был приезд машины-магазина, портфель и бинокль, то Умм-Эль-Бану, как уже было отмечено, выросла в столичном нефтяном городе с великолепными зданиями, построенными по европейским проектам, жила в роскоши, в окружении многочисленной родни, среди которых были и ее

БАНИН КАВКАЗСКИЕ ДНИ

Писательница

сверстники - кузены и кузины, с ней занималась фройлен Анна, преподавательница музыки, литературы, языков. Но несмотря на это различие, маленьких героев объединяет одно - отсутствие родительской ласки, искреннего душевного тепла. Мать Умм-Эль-Бану умерла при родах, а отец - крупный нефтепромышленник и политический деятель, проводит все свое время в деловых поездках, в работе, со своей новой молодой женой - ему некогда общаться с дочерью. Обоим детям роднит неприятие фальши, лжи, с чем никак не могли примириться их детские души. Оба они внутренне тянутся к добру, справедливости, теплу, нехватку которых остро ощущают своими еще неокрепшими сердцами. Не видя в окружающей их реальной действительности эти добрые начала, они пытаются воссоздать их в вымышленном мире, и находят этот мир в общении с природой. Мальчик в основном бывает один, но его богатый внутренний мир позволяет заполнить пустоту придуманными образами. Каждый предмет, каждое растение, каждый камень олицетворяет для него Добро и Зло. Он не чувствует себя одиноком только среди растений и камней, где у него есть "любимые", "злые", "боязливые". "Был у него валун "Седло" - наполовину белый, наполовину черный, пегий камень с седловинкой, где можно было посидеть верхом как на коне. Был еще камень "Волк" - очень похожий на волка, бурый, с сединой, с мощным загривком и тяжелым надлобьем. К нему он подбирался ползком и прицеливался. Но самый любимый камень - это "Танк", несокрушимая глыба у самой реки на подмытом берегу. Так и жди, кинется "Танк" с берега и пойдет, и забурлит река, закипит белыми бурунами... Были еще и другие - "вредные" или "добрые" камни, и даже "хитрые" и "глупые". Среди растений тоже - "любимые", "смелые", "боязливые", "злые" и всякие другие".

Маленькая Умм-Эль-Бану же, если немного перефразировать А.С.Пушкина, "в семье своей родной казалась девочкой чужой". "Девочка не как все", как называет ее автор статьи "Строптивая муза Банин", У.Ахундова, с самого детства отличалась от окружающих своим пытливым умом, пылкостью, наблюдательностью, критическим и ироническим отношением ко многим событиям, происходящим в доме, к отдельным представителям

своей многочисленной родни. Испытывающая непреодолимую тягу к европейской культуре, воспитанная на музыке Баха, Моцарта, она не могла мириться с невежеством, фальшью и поэтому замыкалась в себе, находя утешение в общении с природой. Она, как и Мальчик, наделяла неодушевленные вещи и растения чувствами, разговаривала с ними, а когда взрослые, застав ее за этим занятием, грозились наказанием, не могла понять причину их возмущения и еще глубже уходила в себя. "Это ослепление взрослых в отношении меня и моего мира представлялось мне "слепотой врожденной" и глубокой несправедливостью. Половина моей вселенной ускользала от них, а вторая половина оставалась по большей части укрытой от их глаз. Я их жалела, а их слепота вызывала у меня неприязнь". Как и у Мальчика, у Умм-Эль-Бану есть среди деревьев, кустов "братья", "противники". Резкая, колочая маленькая девочка становится совершенно другой среди деревьев и цветов, здесь она раскрывается всеми чертами своего характера, здесь она - настоящая. Как и все дети, а тем более девочки, она нуждается в ласке, которую не видит ни от бабушки, ни от отца, ни тем более от дедушки, который живет в далекой Москве со своей русской женой. Вот почему старый тополь представляется ей дедушкой, таким, каким тайно она желала видеть его. Наделенная богатым воображением, она в шелесте листьев слышит так недостающие ей теплые, нежные слова. "Он расточал мне на своем тополином наречии ласковые имена, ласкал меня шепотом своей листвы, и когда я поверяла ему личные тайны, он слушал меня всеми своими листочками. Та симпатия, которую я чувствовала, исходит от него, пусть не переводилась на язык жестов и слов, была, несомненно, человеческой".

По-разному, по-своему, но в общем-то очень похоже проявляется у детей жгучая жажда иметь верного, преданного друга, и такого друга они тоже находят общении с природой. Для мальчика - это ширалджины, растения с длинными, густыми стебельками "Ширалджины - верные друзья. Особенно если обиди какая-нибудь и хочется плакать, чтобы никто не видел, в ширалджилах лучше всего укрыться".

Девочка же находит друга в виноградном кусте. Уложив голову там, где в ее понимании располагались плечи виноградного куста, она поверяла ему самые интимные свои секреты. "Таким образом, в каждом уголке, в каждой аллее у меня были свои фавориты: здесь - грушевое дерево, там - лестница, самшит, куст шиповника, бассейн", - пишет Банин. - Я была счастлива с этими, избранными мною, друзьями; в отличие от людей, они отвечали добром на добро, а все, что я им отдавала, было для меня самой глубоко ценительным".

Итак, авторы анализируемых произведений смогли передать основные черты своих героев, их восприятие жизни, их психологическое состояние, во многом сходные между собой, посредством сходного художественного приема - раскрытия характеров через изображение общения с природой. В этой схожести характеров улавливает-

ся то универсальное, что характерно для детской психологии, в какой бы среде ребенок ни рос, какой бы национальности он ни был. Точно так же, как и универсальность чувства любви, переданное Рудаки и Пушкиным. И в то же время каждый из авторов создал неповторимые образы с только им присущими чертами, раскрыл картины действительности с учетом национальной специфики. Так, гендерную разницу между героями повестей можно усмотреть в присущей мальчишкам гордости (чтобы никто не увидел слез), в страсти к играм в войну, где есть свой враг "бодяк" и свой друг "танк", в Умм-Эль-Бану же проявляется чисто женская, природная потребность прильнуть к чьему-то плечу; по-женски, с состраданием и жалостью относится она к старому, заброшенному колодцу, который, как ей представляется, страдает от своей ненужности и одиночества. Богатое воображение рисует ей "маленькие, заплаканные, красные" глаза колодца, доносит до ее слуха его вздохи и жалобы. "Его теплые бока были местом встреч ящерич, единственных друзей, которые со времен его расцвета. Я услужливо пересчитывала их и радовалась их возросшему поголовью: у старины была компания и я могла его покинуть без угрозыни совести". Точно воспроизведен в повести Банин колорит абшеронских дач с горячим золотистым песком, на котором раскинулись виноградные кустарники со специфичными, только здесь произрастающими сортами винограда "белый шаны", "энзели", и только в широких кыргызских степях, с любовью описанных Ч.Айтматовым, растут ширалджины, пахнущие "как сосновый лес на опушке".

Проведенный анализ еще раз подтверждает, что мир, хоть и огромен, но един, и одинаковость психофизических свойств человека, его чувств, устремлений порождают повторяемость и устойчивость в литературе определенных сюжетов, тем, мотивов, которые используются, независимо друг от друга, в произведениях писателей, относящихся к различным этносам и различным эпохам. При этом в каждом произведении заметно проявляется национальная специфика. Написанные на своем национальном материале, опираясь на свои национальные литературные традиции, эти произведения привнесли в архетипические мотивы свое, обогатив и расширив их содержание.